

11. Прудникова, Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Т. А. Прудникова ; Моск. ун-т М-ва внутр. дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя. – М., 2016. – 455 л.

12. Востриков, В. В. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В. В. Востриков ; Ростовск. юрид. ин-т. – Ростов н/Д, 2004. – 188 л.

13. Пенкин, С. В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Пенкин ; ПГПУ им. В. Г. Белинского. – М., 2005. – 20 с.

Е. А. Салей, Л. В. Царёва

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Обращение к вопросам развития законодательства о юридических лицах на фоне происходящих интеграционных процессов имеет под собой объективные основания. Обратим внимание на два ключевых момента.

Во-первых, в целях обеспечения свободы учреждения и деятельности в рамках Союза в соответствии с разд. XV Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор ЕАЭС) государства-члены договорились осуществлять либерализацию учреждения путем гармонизации¹ законодательства государств-членов и организации взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов. В целях применения Договора ЕАЭС под учреждением понимается, в том числе, создание и (или) приобретение юридического лица любой организационно-правовой формы и формы собственности, предусмотренных законодательством государства-члена, на территории которого такое юридическое лицо создается или учреждается; приобретение контроля над юридическим лицом государства-члена; открытие филиала; открытие представительства (п. 24 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющимся приложением № 16 к Договору о ЕАЭС).

Во-вторых, основные нормативные правовые акты Беларуси, регулирующие создание и деятельность юридических лиц, находятся в настоящий момент в стадии обновления. Как известно, с лета 2018 г. ведется работа по сквозному комплексному пересмотру Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в том числе в части системы и гражданского-правового статуса юридических лиц [1]. В конце 2019 г. на публичное обсуждение представлен проект Закона о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [2]. Весной 2020 г. в Парламент представлен во втором чтении проект закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ» [3], которым вносятся изменения в три законодательных акта: ГК, Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП «О хозяйственных обществах» и Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг». Одной из целевых задач обновления основ гражданского законодательства, в том числе в части права юридических лиц, наряду с необходимостью учета практики применения и закрепления новых институтов гражд-

¹ Договор о ЕАЭС разграничивает гармонизацию законодательства и его унификацию по критериям результата и сферы правового регулирования. Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС гармонизация законодательства – это сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах, тогда как унификация законодательства – это сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных данным Договором.

данского права, заявлена «унификация гражданского законодательства государств – членов Евразийского экономического союза» [4; 5].

Компаративный анализ права юридических лиц государств – членов ЕАЭС свидетельствует о том, что, имея в целом изначально схожие экономические условия и нормативную базу, основанную на Модельном гражданском кодексе для государств – участников СНГ (далее – Модельный ГК), государства все более расходятся в подходах к выстраиванию системы юридических лиц и ее наполнению.

Предложенная Модельным ГК системообразующая классификация юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, сохраняющаяся в гражданских кодексах всех государств – членов ЕАЭС, демонстрирует различия в национальных подходах к критериям классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие [6]. Кроме того, в Республике Беларусь системная классификация «коммерческие – некоммерческие» юридические лица конкурирует с легальной классификацией юридических лиц на субъекты хозяйствования и юридические лица, таковыми не являющиеся.

Отличия в национальных подходах наблюдаются и при реализации принципа *numerus clausus* в привязке к каждой группе юридических лиц. Если исчерпывающий перечень организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц закреплён в гражданских кодексах всех государств – членов ЕАЭС, то их содержательное наполнение весьма разнится. Например, категория хозяйственных обществ, известная правовым системам всех государств – членов ЕАЭС, включает различные виды. В Беларуси среди хозяйственных обществ выделяются акционерные общества (открытые и закрытые), общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью. В Казахстане хозяйственные общества представлены акционерными обществами. Они специфическим образом отграничиваются от категории товариществ, в которую вместе с полными и коммандитными товариществами объединяются товарищества с ограниченной и дополнительной ответственностью [7]. Спецификой правовой системы Казахстана является также возможность использования формы акционерного общества для создания как коммерческой, так и некоммерческой организации (п. 2 и 3 ст. 34 ГК Казахстана, п. 3 ст. 3 Закона об акционерных обществах Республики Казахстан).

В отличие от Российской Федерации, отказавшейся от деления акционерных обществ на закрытые и открытые в пользу классификации на публичные и непубличные, иные государства ЕАЭС пока сохраняют разграничение акционерных обществ на открытые и закрытые в зависимости от порядка размещения и обращения акций. В законодательстве Беларуси сохраняются также количественные ограничения по субъектному составу (для ЗАО – не более 50 акционеров) и различные требования к минимальному размеру уставного фонда (минимальный размер уставного фонда для ЗАО составляет 100 базовых величин, для ОАО – 400 базовых величин). В то же время проектом закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ» предлагается снятие одного из основных сущностных разграничений между закрытым и открытым акционерными обществами: в качестве общего правила предусматривается свободное отчуждение акций ЗАО. Преимущественное право покупки акций ЗАО его акционерами может быть предусмотрено уставом соответствующего общества в индивидуальном порядке (нов. редакции п. 5 ст. 97 ГК и ч. 1 ст. 73 Закона о хозяйственных обществах). Думается, что такие изменения можно рассматривать как шаг в направлении отказа от воспринимаемого уже как традиционного деления акционерных обществ на открытые и закрытые.

Организационно-правовая форма общества с дополнительной ответственностью (в Казахстане – товарищество с дополнительной ответственностью), ранее известная во всех странах ЕАЭС, была упразднена в России в рамках реформы 2014 г., но сохраняется в четырех остальных государствах Союза.

С принятием предлагаемых изменений ГК система коммерческих юридических лиц Беларуси может обрести специфику на фоне остальных государств – членов ЕАЭС в связи

с исключением формы хозяйственного товарищества из перечня доступных организационно-правовых форм коммерческих организаций, возможность создания которых предусматривается в гражданских кодексах всех государств – членов Союза. Причем обратим внимание на то, что в России хозяйственные товарищества сохранены после реализации Концепции развития гражданского законодательства в отношении юридических лиц [8].

Разработчики проекта ГК аргументировали упразднение товариществ не востребованностью данной организационной формы на практике [9]. Представляется, что на данном этапе такое восприятие предопределяется целым рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. В частности, имеют место ограничения по субъектному составу, выражающиеся в том, что участниками полных товариществ и полными товарищами в командитных товариществах могут быть только физические лица со статусом индивидуального предпринимателя и (или) коммерческие организации. В сочетании с солидарным характером полной субсидиарной ответственности участников собственным имуществом по обязательствам товарищества (п. 1 ст. 72 ГК) и отсутствием налоговых преимуществ, это приводит к тому, что организационно-правовая форма хозяйственного товарищества в Беларуси практически не используется.

С нашей точки зрения, аргумент о не востребованности практикой не является убедительным без учета оценки сферы применения (преимущественно малый бизнес), сущностных характеристик данной организационно-правовой формы (простоты создания и функционирования, доверительного характера отношений между участниками), степени узнаваемости (признания в зарубежных государствах, в том числе во всех государствах – членах ЕАЭС).

В условиях региональной интеграции, которая сопряжена с ростом трансграничной экономической деятельности, осуществляемой, как правило, организациями, основанными исключительно или преимущественно на объединении капиталов, упразднение хозяйственных товариществ лишает гражданский оборот структуры, позволяющей объединяться лицам (преимущественно физическим) для совместного ведения бизнеса по сути на фидуциарной основе взаимоотношений между ними. Вместе с тем не стоит отрицать целесообразность учета существующей реакции оборота. Возможно на данном этапе следовало бы «поддерживать» эту форму изменениями относительно требований к статусу товарищей и установлением специального налогового режима, компенсирующего (хотя бы в определенной степени) риск неограниченной ответственности.

Унитарные предприятия (далее – УП), не наделенные правом собственности на закрепленное за ними имущество, наряду с их правом оперативного управления или правом хозяйственного ведения, являются, наверное, самыми известными правовыми явлениями, унаследованными государствами – членами ЕАЭС из советского права, и непонятными за пределами постсоветского пространства. Е. А. Суханов, констатируя в свое время переходный характер российского гражданского законодательства (2014 г.), писал о том, что «в гражданском обороте по-прежнему действуют не соответствующие новым условиям хозяйствования юридические лица – несобственники (унитарные предприятия и учреждения), неизвестные обычным правопорядкам» [10, с. 227]. Помимо легализованных в России государственных унитарных предприятий (в терминологии Казахстана – государственных предприятий), обладающих имуществом на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, в Беларуси продолжают сохраняться и частные унитарные предприятия (далее – ЧУП), имущество которых находится в частной собственности физического лица (совместной собственности супругов) либо юридического лица и принадлежит таким предприятиям на праве хозяйственного ведения (п. 2 ст. 113 ГК). Предлагаемые изменения в ГК не коснулись анализируемой формы коммерческой организации и ее видов. Будучи весьма востребованным в рамках организации малого и среднего бизнеса, ЧУП продолжит оставаться национальной особенностью системы юридических лиц.

В отличие от России, где на уровне ГК закреплён исчерпывающий перечень некоммерческих организаций, перечень форм таких организаций в гражданских кодексах Беларуси (п. 3 ст. 46), Казахстана (ст. 34 ГК), Армении (п. 4 ст. 51) и Кыргызстана (ст. 85) является условно закрытым рамками законодательных актов. В проекте новой редакции п. 3 ст. 46 ГК предлагается к закреплению 18 организационно-правовых форм некоммерческих организаций¹.

Очевидно, что предложенный вариант требует серьезного осмысления. Едва ли фиксация в ГК всех существующих на основании специальных законодательных актов некоммерческих организаций может упорядочить и систематизировать перечень допустимых форм некоммерческих юридических лиц. В доктрине неоднократно указывалось на отсутствие смысла искусственно плодить организационно-правовые формы юридических лиц при легализации их перечня [11, с. 348; 12, с. 7]. Как справедливо подчеркивает Е. А. Суханов, «разнообразие осуществляемой некоммерческими корпорациями общественно полезной деятельности никак не влияет на их гражданско-правовое положение, а потому исключает необходимость выделения их разновидностей как особых видов юридических лиц» [13]. Тем не менее в российском правовом порядке даже после реформирования 2014 г. сохранилось «чрезмерное, явно избыточное количество организационно-правовых форм некоммерческих организаций» [13], что, по-видимому, станет характерным и для Беларуси.

Вопрос о легализации видовой классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные, закреплённой, в частности в ГК Российской Федерации, в Беларуси на данном этапе внесения изменений в ГК не рассматривается.

Таким образом, институт юридических лиц Беларуси, как и каждого из государств – членов ЕАЭС, формируется и развивается обособленно в рамках соответствующей правовой системы. В силу правовой природы юридического лица, которое по определению не может существовать в отрыве от национальной правовой системы, легализовавшей его, такое положение дел следует признать закономерным.

Вместе с тем невозможно отрицать, что конструкция юридического лица, представляет своего рода «опасность» для участников гражданского оборота, которая усиливается в трансграничном обороте, где приходится сталкиваться с правовой системой иностранного государства. Учитывая то обстоятельство, что региональная интеграция в рамках ЕАЭС нацелена на создание общего (единого) рынка, предполагает активизацию трансграничного оборота внутри Союза, перед государствами – членами ЕАЭС стоит задача минимизировать эту опасность. В условиях, когда все государства – члены ЕАЭС определяют закон юридического лица на основании критерия инкорпорации, руководящим принципом обеспечения правовой безопасности участников трансграничного оборота видится максимальная транспарентность, поскольку она позволяет пресекать злоупотребления, связанные с особенностями национального законодательства того или иного государства. Одноименная ст. 69 Договора о ЕАЭС «Транспарентность» предусматривает обязательства государств-членов обеспечить открытость и доступность своего законодательства в данной части.

При этом, на наш взгляд, целесообразной на данном этапе видится не гражданско-правовая, а публично-правовая гармонизация системы учета сведений о юридических лицах государств-членов и обеспечение открытого доступа не только к нормативным правовым актам государств-членов, а к основной информации о конкретных субъектах, содержащейся в национальных реестрах (регистрах) и позволяющей оценивать их реальный правовой статус.

Реестры (регистры) компаний существуют во всех государствах – членах ЕАЭС. Они имеют разные наименования, ведутся на различных уровнях и разными инстанциями, имеют

¹ Прим. авт.: подсчет осуществлен на основе формального признака общего перечисления и постатейного обособления.

различную структуру и язык. При этом они неизменно выполняют информационную и защитную функции для гражданского (торгового) оборота, поскольку позволяют выяснять информацию о конкретном субъекте, его статусе, порядке и способах реализации правосубъектности. В условиях цифровизации и развития техники и технологий разработка ресурса, обеспечивающего доступ к базовой информации национальных реестров юридических лиц, видится не только востребованной, но и реальной.

Как показывает опыт функционирования ЕС, имеющего значительные успехи в развитии регионального правопорядка, корпоративное право государств – членов ЕС также продолжает сохранять «замкнутость» и национальную идентичность в части системы и организационно-правовых форм организаций – субъектов права. И это при том, что гармонизация права государств-членов в данной сфере началась еще в 1960-е гг., т. е. на начальном этапе европейской интеграции, и проводится на протяжении всего срока существования ЕС. По утверждению немецких исследователей, «только в ходе обеспечения свободы учреждения установками европейского права были предопределены более 100 изменений в немецком праве акционерных обществ» [14, с. 229].

ЕС пошел по пути гармонизации отдельных положений, обеспечивающих эффективную и равную защиту участников оборота, но не создания идентичных организационно-правовых форм в национальных правопорядках. Идею создания единых организационно-правовых форм государствам оказалось значительно проще реализовать путем внедрения наднациональных форм компаний¹, нежели посредством унификации национального права в этой части.

В итоге право юридических лиц государств – членов ЕС в настоящее время гармонизировано фрагментарно и лишь в тех аспектах, которые потребовали вмешательства на наднациональном уровне для эффективного построения внутреннего рынка. Хронологически в числе первых были гармонизированы три блока вопросов: а) правила о предоставлении информации в регистрационный орган и юридической силе ее публикации; б) действительность обязательств обществ; в) недействительность общества. В настоящее время регламентация этих вопросов осуществляется гл. 2 и 3 кодифицированной директивы Европейского парламента и Совета от 14 июня 2017 г. № 2017/1132 относительно определенных аспектов корпоративного права, где, в частности, предусматривается создание электронного ресурса, включающего регистры государств-членов, платформу, и портал, выступающий точкой доступа с целью получения официальной информации о компаниях стран ЕС и их структурных подразделениях. В совокупности с принципом публичной достоверности данных регистров, который обеспечивается, во-первых, презумпцией полноты опубликованной информации (третьему лицу могут противопоставляться только те сведения, которые внесены в Регистр, опубликованы (п. 6 ст. 16), во-вторых, презумпцией правильности опубликованной информации (третье лицо может исходить из того, что опубликованные в Регистре сведения являются достоверными (п. 7 ст. 16), это создает определенную степень безопасности трансграничного оборота с участием компаний государств – членов ЕС.

Имеющиеся различия в систематике юридических лиц и правовом статусе их отдельных организационно-правовых форм, не препятствуют успешному эволюционированию интеграционных процессов в целом и либерализации учреждения в частности.

В качестве ключевой задачи при определении направлений развития законодательства о юридических лицах на национальном уровне следует рассматривать не стремление к унификации, а создание внутренне согласованной, понятной и эффективной в работе системы юридических лиц, с ориентацией на мировые достижения и опыт, но с учетом национальной специфики.

¹ Европейское объединение с общей экономической целью, Европейская компания и Европейский кооператив.

Право юридических лиц как предмет гармонизации на уровне евразийского правопорядка требует внимания, в первую очередь, с позиции обеспечения правовой безопасности трансграничного торгового и гражданского оборота, что на данном этапе развития интеграционных процессов достигается посредством максимальной транспарентности в вопросах создания и деятельности юридических лиц. В этой связи, полагаем, одной из первоочередных задач сотрудничества является выработка единых требований к ведению реестров (регистров) юридических лиц, создание информационного ресурса, обеспечивающего свободный доступ к базовой информации о юридических лицах государств – членов Союза, закрепление принципов публичности и достоверности сведений таких реестров.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь : проект Закона Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf. – Дата доступа: 08.08.2020.
2. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования : проект Закона Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forumpravo.by/files/Proekt_Zakon_Gosregistracija_i_likvidacija.pdf. – Дата доступа: 08.08.2020.
3. Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ : проект закона Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Proekt-na-soglas.pdf>. – Дата доступа: 08.08.2020.
4. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2018 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 10 янв. 2018 г., № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2019 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 4 янв. 2019 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Салей, Е. А. Институт юридического лица в Гражданском кодексе Республики Беларусь: состояние и перспективы развития / Е. А. Салей // Журн. Белорусского гос. ун-та. Право = Journal of the Belarusian State University. Law. – 2019. – № 1. – С. 23–31.
7. Карагузов, Ф. С. О текущем состоянии и основных аспектах совершенствования корпоративного законодательства Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Ф. С. Карагузов. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31664843#pos=5;-106. – Дата доступа: 08.08.2020.
8. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.
9. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurist.by/storage/app/media/2391-1.pdf>. – Дата доступа: 08.08.2020.
10. Суханов, Е. А. Реформа Гражданского кодекса РФ и проблемы современного развития российского гражданского права / Е. А. Суханов // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. В. Ф. Чигира (Минск, 4–5 ноября 2014 г.) / редкол. : И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 226–232.
11. Кузнецова, Н. С. Поняття і класифікація юридичних осіб у цивільному праві України: теорія і практика / Н. С. Кузнецова // Вибрані праці. – Київ : Юридична практика. 2014. – 544 с. – С. 335–354.
12. Суханов, Е. А. О концепции развития законодательства о юридических лицах / Е. А. Суханов // Журн. Российского права. – 2010. – № 1. – С. 5–12.
13. Суханов, Е. А. О систематике юридических лиц в современном российском праве [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский [и др.] ; под ред. Д. А. Медведева. – М. : Статут, 2019. – С. 83–96.
14. Kilian, W. Europäisches Wirtschaftsrecht / Prof. em. Dr. h.c. W. Kilian, Prof. Dr. D. Wendt, LL.M. – Nomos, 2017. – 6. Auflage. – 507 s.